
ОТ РЕДАКТОРА

Настоящий сборник посвящен фольклору фабрично-заводских рабочих дооктябрьской эпохи, при чем подавляющее большинство печатаемых нами текстов относится ко второй половине XIX в. и самому началу XX в., и только незначительная их часть захватывает первую половину XIX в. Причины этой диспропорции выясняются в помещаемых в сборнике статьях.

Некоторые из текстов, представляющие книжные стихотворения и принадлежащие иногда перу известных поэтов, могут вызвать у читателя недоуменный вопрос в смысле отнесения их к фольклору. Поэтому следует оговориться, что под фольклором мы разумеем не только поэтические памятники, устные по своему созданию и употреблению, но и те из книжных произведений, которые вошли в устно-поэтический репертуар какого-либо общественного класса или классовой группы (в данном случае — фабрично-заводских рабочих) и приобрели таким путем широкое распространение. Указанием на устное бытование печатаемых в сборнике памятников книжной поэзии нам служили свидетельства современников, мемуары и воспоминания, присутствие соответствующих стихотворений в песенниках и пр.

Издаваемый нами сборник не претендует даже на приблизительную полноту. Но при отсутствии какой бы то ни было систематизации устной поэзии рабочего класса и при эмбриональном состоянии научной разработки этой поэзии мы позволяем себе надеяться, что наш скромный труд не будет бесполезным.

К ИЗУЧЕНИЮ ФОЛЬКЛОРА ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ

„История пролетариата — наука еще совсем молодая. У господствующих в России, до Октябрьской революции, классов не было особенной нужды и интереса изучать историю рабочего класса. Зато пролетариату, свергнувшему власть буржуазии и дворянства, необходимо знать свое прошлое, ибо это знание имеет огромное революционно-воспитательное значение.

В промышленность Советского Союза с каждым годом вливаются новые слои рабочих, не знающих на собственном опыте, что такое капиталистическая и докапиталистическая эксплуатация. Знакомство с историческим прошлым может отчасти заменить этот личный опыт, оно невольно наведет на сравнение того, что есть, и того, что было, и еще живее заставит почувствовать ту огромную пропасть, которая легла между вчерашним рабом и сегодняшним хозяином Союза советов“.

Так начинает свою интересную книжку А. Гайсинович.¹

С того же самого и с еще большим основанием приходится начинать и работу о поэзии пролетариата дооктябрьской эпохи.

Здесь мы встречаемся не только с полным отсутствием научной разработки поэтического материала, в особенности массовой песни рабочих, но и с огромными, иногда совершенно непоправимыми пробелами в этом материале. Русская дворянская и буржуазная наука, не интересуясь историей пролетариата, еще менее уделяла внимания поэзии рабочего класса. В то время как дореволюционные опыты рабочих в книжной поэзии могут еще стать предметом научного исследова-

¹ А. Г а й с и н о в и ч. Рабочий класс крепостной эпохи. ДВОУ, издательство „Пролетар“, 1931, стр. 3.

ния, огромная часть произведений пролетарского фольклора, во-время не записанная и прекратившая свое существование в устном обиходе, останется навсегда „областью неведомой“. Дело, конечно, не в том, что старые исследователи и собиратели памятников устной поэзии не знали фольклора фабрично-заводских рабочих: они просто отворачивались от него, как от чего-то антихудожественного, уродливого, и если иногда и обращались, например, к распространенным среди рабочих песням, то исключительно для того, чтобы показать их, как „куриозы“, как „извращение народного песнотворчества“¹.

А между тем массовая песня, носившая нередко ярко выраженный революционный характер, сыграла огромную роль в судьбах русского пролетариата: воодушевляемый ее боевыми звуками, рабочий боролся, учился побеждать и побеждал.

На этом значении революционной песни неоднократно останавливается в своих воспоминаниях руководитель морозовской стачки 1885 г. П. А. Моисеенко. Самое свое „пробуждение от старого религиозного мировоззрения к новой жизни“ Моисеенко ставит в неразрывную связь с чтением нелегальных брошюр, среди которых он называет и „Революционный песенник“².

Испытав на самом себе могучее воздействие песни, ткач-революционер, вместе с другими товарищами, при всяком удобном случае прибегает к поэзии, как к одному из самых надежных средств пропаганды. „В это время (1877 г. — П. С.), рассказывает, например, он, „я перекочевал на Обводный канал, на Ново-Бумагопрядильную фабрику (в Петербурге. — П. С.). Здесь поле для пропаганды было шире, и мы это использовали. Завели хор и бuben с плясунами. Один из товарищей, „Алешка Рыжий“ (так мы его прозвали), прекрасно выполнял роль бесноватого из сказки „О четырех братьях“. Ставили революционные песни: „Долго нас помещики душили“ и „Оводушка“, напев „Лучинушки“. Эффект был поразительный. Всех нас воодушевляла революционная песнь. Несмотря на усталость, мы за-

¹ Подробнее об этом см. в наших работах: „О песенном репертуаре современной фабрики“. „Ученые записки“ Института языка и литературы РАНИОН, т. II, М., 1927, стр. 42—43. — „Образ фабрично-заводского рабочего песенном фольклоре XIX в.“. „Литература и марксизм“, 1930 г., кн. II, стр. 74—77. — „Русский фольклор“. Изд. заочных курсов по литературоведению при Институте ЛИЯ Комкадемии, лекция II, стр. 13—14.

² П. А. Моисеенко. Воспоминания.. 1873—1923. Изд. „Красная новь“, М., 1924, стр. 8.

бывали все... Иногда мы пели в трактире по приглашению¹.

В другом месте Моисеенко записывает: „...Сильное впечатление на рабочих производило стихотворение по поводу убийства Мезенцева², а также летучие листки и чтение легальных и нелегальных брошюр“³.

В самые тяжелые минуты жизни, в тюрьме, в ссылке боевая песня являлась для Моисеенки, как, несомненно, и для других революционеров, источником, откуда черпались новые силы для борьбы с капиталистическим гнетом. Рассказывая о своем пути в восточную Сибирь, куда он был отправлен в 1880 г. в ссылку, Моисеенко приводит следующий эпизод: „Наша баржа отчалила (от Нижнего-Новгорода. — П. С.). Ночью мы все спали врасляжку, не стесняясь друг друга, как это было в вагоне. Проснулись, когда баржа была уже за Макарьем; пока умывались, прихорашивались, на палубе натянули брезент. Солнце уже было высоко. Началось чаепитие; кто-то запел: „Волга, Волга, весной многоводной ты не так заливаешь поля...“ Подхватили другие и понеслись по Волге чудные, чарующие звуки... Хор организовался великолепный, обстановка была на редкость соответствующая: раздолье Волги, ее берега — все звало к поэзии. Все высыпали на палубу, вплоть до ротмистра и инспектора сибирских этапов, послушать — стояли, как зачарованные. Не чувствовалось что мы в ресторанской барже, а казалось, где-то далеко, „там за дальнею непогодой есть блаженная страна“. У всех было приподнятое настроение: загорелось желание жить и умереть за други своя. Недаром у Некрасова есть в поэме „Пир на весь мир“ слова Гряши: „от хорошей песни дух поднимается“. — Да, действительно, у всех приподнят дух“...⁴.

Нередко Моисеенко думает словами песни, нередко в своих речах он цитирует известные ему поэтические памятники. Во время стачки на Ново-Бумагопрядильной фабрике, при попытке рабочих подать прошение наследнику (будущему императору Александру III), Моисеенко был арестован и

¹ Там же, стр. 14. (Подчеркнуто нами. — П. С.). В наст. сборн. см. № 24.

² Генерал Мезенцев, шеф жандармов, был убит 4 августа 1878 г. С. Кравчинским (Степняком). — П. С.

³ Там же, стр. 25.

⁴ Там же, стр. 44 — 45. (Подчеркнуто нами. — П. С.).

⁵ Там же, стр. 19.

посажен „в пожарном отделении, внизу, во дворе. Окна выходили на Невский...“⁵. „Сижу“, рассказывает он, „и думаю, что-то будет, наверное теперь отправят в тюрьму. Невольно приходят мне на ум слова из „Песни про долю“: за прошение мужиков его милости плательщик сподобился кандалов. Задолго до ареста мы знали, что чаши этой нам не миновать. Каждый сознавал, что это неизбежно и будет продолжаться до тех пор, пока рабочие не завоюют своих прав. Вспомнилось: „хоть и погибнуть придется в тюрьмах и шахтах сырых—дело всегда отзовется на поколеньях живых“...“¹.

В 1885 г., рисуя перед рабочими картину капиталистической эксплуатации, Моисеенко так заканчивает свою речь: „Все это я вам говорю для того, чтобы вы взялись за ум хорошенько, подумали о своем житье-бытье, помнили мои слова: „Ты работай, как хошь, от нужды не уйдешь, а как век доживешь, как собака помрешь“. Что за лютый злодей, за лихой чародей наши деньги берет, кровь мужицкую пьет. Эх, не лютый злодей, не лихой чародей наши деньги берет, кровь мужицкую пьет. А толстопузый купец, да царь белый-отец разорили в конец“. Да, вот кто истинные виновники всей нашей жизни“².

Моисеенко пробует и свои силы в поэзии³. „Ткачи“, написанные им вместе со Штрипаном, пользовались в песенном исполнении большой популярностью среди рабочих и политических ссыльных.

Для конца девятидесятых годов прошлого столетия ту же революционизирующую роль песни среди рабочих отмечает и С. Канатчиков. Он, например, вспоминает о токаре Сергее Петровиче, песни и декламация которого производили огромное впечатление не только на молодежь, но и на более отсталых пожилых рабочих московского машиностроительного завода Густава Листа.

„Подвижная, комичная физиономия, гибкая маленькая фигурка Сергея Петровича уже при одном взгляде на него невольно настраивала на веселый лад.

¹ Там же, стр. 19. (Подчеркнуто нами.—П. С.).

² Там же, стр. 82. (Подчеркнуто нами.—П. С.). В наст. сборн. см. № 13

³ В нашем сборнике №№ 15 и 16.—П. С.

Богатый пьет шампанское,
А бедняк, наоборот,—водичкой пробавляется.

Часто любил он декламировать. Его маленькая фигурка, изображая довольство богатого, изгибалась в дугу, животом вперед, щеки надувались, а тоненькие тараканьи усики топорщились вверх.

Богач в коляске раз'езжает,
А бедняк, наоборот, — пешком сторонкою шагает.
Богач сигары покупает,
А бедняк, наоборот, — окурки подбирает.

Глядя на его фигуру, жестикуляцию, подвижную физиономию, даже самые суровые люди приходили в веселое настроение...¹

Своим выступлениям в мастерской Сергей Петрович придал организованный характер: он „образовал в своем уголку комический „хор“ из Ивана Федотовича (токарь — П. С.), ученика Егорки и себя самого... К празднику пасхи его „хор“ торжественно распевал пасхальные песнопения в роде:

На божественной страже
На втором этаже,
На верхнем окошке
Дрались три кошки.
Брысь! Брысь! Не дерись...

Или:

Святися, святися,
Пирог испекися.

Как это ни странно, но это „кошунственное“ песнопение „хора“ Сергея Петровича снисходительно выслушивалось даже набожными старичками: уж больно много было в нем веселья и комизма. А молодежь была буквально в восторге от него“².

Смысл выступлений Сергея Петровича заключался, конечно, не в их комической оболочке. „Мне казалось“, вспоминает Канатчиков, „что шутовство и кривляние Сергея Петровича являются лишь только маской и за ними скрывается нечто более серьезное и важное. Я чувствовал разницу, например, между шутовством Ивана сверловщика и Сергея Петровича. А в чем была эта разница, логически я не мог постигнуть. Впоследствии, когда я уже сделался вполне сознательным, для меня было очевидно, что шутовство Ивана было простым озорством, а шутовство Сергея Петровича было с „направлением“³. От того же Сергея Петровича автор

¹ С. Канатчиков. — Из истории моего бытия. ЗИФ, М. Л., 1930 стр. 40.

² Там же, стр. 40, 41.

³ Там же, стр. 41.

цитируемой книги „впервые услышал несколько нелегальных песенок, которые быстро из уст в уста передавались по всему заводу...“¹. Некоторые из таких песен, распространенных среди московских и питерских рабочих, Канатчиков и приводит в своих воспоминаниях².

„Подобно тому“, говорит Гайсинович, „как биография отдельного человека накладывает на него большие отпечатки, точно так же биография класса, условия, в которых он рос и развивался, — оставляют ошутительные следы, дающие себя знать на каждом шагу. Пролетариат СССР — един, но среди различных его отрядов наблюдается неодинаковость состава, разный идеологический уровень. Рабочий Урала не во всем похож на ленинградского пролетария; иваново-вознесенский текстильщик не совсем то же, что донецкий шахтер. Помимо специфического характера отраслей промышленности, различия в единой, в целой среде пролетариата объясняются различиями в исторических условиях формирования тех или иных отрядов рабочего класса. Мы не поймем ленинградского металлиста, донецкого горняка, московского текстильщика, если не будем знать, хотя бы в самых общих чертах, их истории“³.

Из тех же установок нужно исходить и при определении воспитательного значения революционной поэзии фабрично-заводских рабочих дооктябрьской эпохи. Если для старых участников борьбы за освобождение рабочего класса эта поэзия является живым воспоминанием „минувшихся дней и битв, где вместе рубились они“, то для нашей молодежи, никогда не видавшей „живого полицейского“, боевые песни пролетариата представляют художественную летопись дела отцов, могущественный стимул непримиримой ненависти к угнетателям и непоколебимого стремления „новый мир построить“. Особо следует отметить значение рабочих песен борьбы и победы для тех прослоек промышленного пролетариата, которые, в силу своей отсталости и связей с частной собственностью, не совсем еще освободились от переживаний дореволюционного времени. „Рабочий, став передовым вождем бедноты, не стал святым. Он вел вперед народ, но он и заразился болезнями мелко-буржуазного развала. Чем меньше бы-

¹ Там же, стр. 41.

² В наст. сборн. см. №№ 13 и 14.

³ Цит. соч., стр. 3—4.

вало отрядов из наилучше организованных, из наиболее сознательных, из наиболее дисциплинированных и твердых рабочих, тем чаще разлагались эти отряды, тем чаще бывали случаи победы мелко-собственнической стихии прошлого над пролетарско-коммунистической сознательностью будущего¹. Именно этой „заразой“ и объясняется то обстоятельство, что до сих пор устно-поэтический репертуар рабочих продолжает оставаться засоренным классово-чуждыми произведениями, в частности „жестокими“ мещанскими романами и песнями преступного мира („блатá“).

А. П. Чапыгин приводит следующую песню, которую, задолго до Октябрьской революции (в 1883 г.), распевает в веселой питерской компании кровельщик Мишка, дворники и горничные:

Вдоль по Литейной,
Да на углу Басейной
Стоят красотки на крыльце.
Как будто вышли из больницы—
Румянца нету на лице.

Они меня зовут,
Они меня манят—
Пожалуйте, пожалуйста,
Пожалуйте, купец!

Завернув за эти ширмы,
Хорошо я ночь провел.
Без тулупа, без калошей
Я домой пошел.
Они меня пинать,
Они меня ругать—
Проваливай, проваливай,
Проваливай, купец!

„Эту песню“, прибавляет Чапыгин, „я потом много раз слышал, работая по мастерским“².

Много воды утекло с тех пор, когда рабочие по мастерским и фабрично-заводским предприятиям распевали эту мещанскую дребедень с налетом элементов блатной поэзии. Рабочий класс нашей страны завоевал экономическую гегемонию и политическую власть; с этим завоеванием связана и полная победа пролетариата на идеологическом фронте, в частности—в области художественной литературы и фольклора. Но и до сих пор еще не изжиты в песенном обиходе

¹ В. И. Ленин. Собр. соч., изд. 1-е, т. XV, стр. 278.

² А. Чапыгин. Жизнь моя. Изд. 2-е. ВОКП. ГИХЛ, Л.—М., 1931, стр. 147—148.

фабрично-заводских рабочих „жестокие“ романсы („Моряк“, „С прелестной девой чернобровой прощался мальчик молодой“, „Я девушка фабричная“, „Валечка“, „Склони головку молодую ко мне на правое плечо“, „Распрекрасная погода, я домой аллеей шла“, „Бедная девица, горем убитая“ и др.) и поэтическая продукция блатной среды („В воскресенье мать-старушка к воротам тюрьмы пришла“, „Горит костер дрожащим светом“, „Далеко на чужбине громко пел соловей“, песня о Ромашке и Чесноке, „Проститутка“—„Сегодня решила покончить с собой“ и т. п.)¹. Больше того, влияние мотивов и образов этого классово-чуждого пролетариату фольклора сказывается иногда и в творчестве начинающих рабочих поэтов. Таково, например, „стихотворение ученика Горпромуча“, где в своеобразном сочетании переплетаются характерные черты мещанского „жестокоего“ романса и блатной песни:

Ветер бушует на море,
волны катят на восток.
Я очень рад встречать тебя
в дубровах радостных, зеленых.
Как обнимала ты меня,
окутав поделуем губ холодных.
И ночь прошла, а мы стоим
в объятьях радостных и сильных,
и, поцелуев сильных звон
из уст моих лились капризных,
Вдруг в сердце закипело у меня,
я выхватил кинжал мгновенно,—
и кровь на белой кофте у тебя
лилась струею незаметной.
И понял я, что сделал тут.
И слезы, горькие отрады,
лилась на беду мою грудь,
С слезами на глазах просил пощады!
(Отрывок из моей повести „Жизнь“)².

„Начав коммунистическую революцию“, писал в 1918 г. В. И. Ленин, „рабочий класс не может одним ударом сбросить с себя слабости и пороки, унаследованные от общества помещиков и капиталистов, от общества эксплуататоров и мироедов, от общества грязной корысти и личной наживы многих, при нищете многих. Но рабочий класс может победить—и, на верное, неминуемо победит, в конце

¹ См. нашу статью „Призыв ударников в литературу и рабочая песня“.— „Наступление“, 1931 г., июль—август, стр. 66—69.

² Л. Байкова. „Лирика“ в Донбассе. „На литературном посту“, 1931 г. № 29, стр. 40.